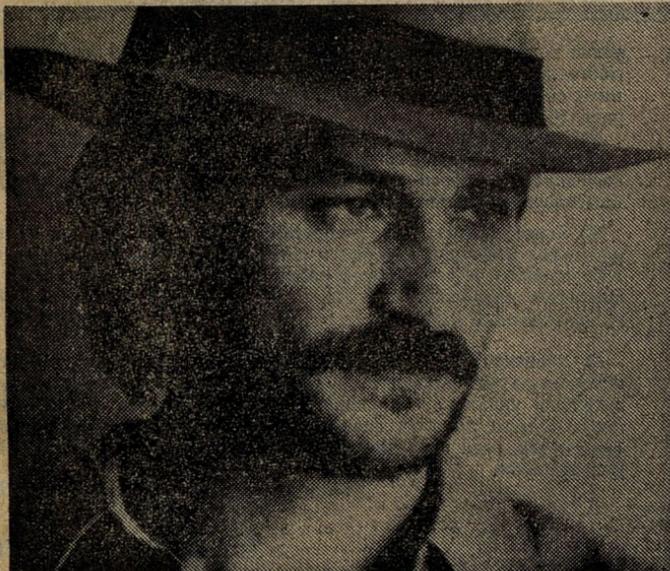

— ПОЧЕМУ СТОЛЬ МРАЧЕН ВАШ ДЕВИЗ.— «MEMENTO MORER!»

— Не такой уж он и мрачный, этот девиз. Ведь с концом жизни душа-то продолжает жить. И важно, где она окажется, что с нее взыщется. И зависеть это будет от того, насколько ты помнишь о смерти, насколько можешь позволить себе грешить. Если вообще можно позволить себе это.

— Как бы вы охарактеризовали наше время? — задал я первый вопрос на «Мосфильме».

— Как аморальное, естественное. Успокаивает, однако, одно: все, что аморально, в России никогда надолго не приживалось. Самое же неприятное из происходящего, что поменялись местами все приоритеты. То, что всегда считалось хорошим и нравственным, стало никчемным и глупым. Вся жизнь в России знала: воровать нехорошо. А тут выяснилось: не только хорошо, но и как бы уважаемое это дело. Заметили? Мы сегодня и осуждаем этот порок с какой-то заранее оправдывающей интонацией.

Правда, нас поставили в известность: мол, идет накопление первоначального капитала. Но кто его копит, на что, на какие такие нужды и где он, этот капитал, находится, не сообщается. А потом неожиданно окажется, что весь он уже на Западе, накопленный. И мне, например, совсем непонятно: захотят ли его возвращать в Россию? Вдруг нет? К сожалению, взаимоотношения между людьми сегодня во многом изменили деньги. Ну да, понятно: при нынешнем режиме можно зарабатывать намного больше, чем при системе уравниловки. Но что с этого умом-то пытаться?

— А пялятся им и на самом деле до неприличия. Очень неприятно было наблюдать, как многие ваши коллеги перед референдумом вытанцовывали в телевизоре: «да, да, нет, да».

— Комическая была картина. И омерзительная: так рвать на себе рубаху, выступая в роли Буревестника. Надо ведь помнить, что несешь определенную ответственность за свои слова и в данный момент откровенно торгуешь своим авторитетом.

— К нам в редакцию, в том числе и в «Восьмидесятники», до

Мы встретились у «Мосфильма». Прошли через проходную еще метров тридцать, и отмечающая свой семидесятилетний юбилей крупнейшая киностудия Европы и Азии предстала взору... разрушенными боками своих зданий. В длинных казенных коридорах оглушает тишина. За все время на пути к скромному кабинету Леонида Филатова нам повстречалось человек десять — пятнадцать. Так, наверное, и умирают гиганты культуры, оставившие величественный след в учебниках по истории искусства.

Зашли в кабинет коллеги Филатова по созданию художественной ленты «Любовные похождения То-

Леонид ФИЛАТОВ:

Как мерзко быть интеллигентом

Трибуна — 1993 — 24 сентябрь

— Меня все время пытаются убедить, что все происходящее с нами — временный период, — продолжил беседу Леонид Филатов уже в машине, когда, покинув киностудию, мы ехали к Таганке. — А я не понимаю, как может завтра народ оказаться очищенным, нравственным, если сегодня огромное количество людей поставлено в зависимость от того, как и чем ему «набить брюхо». Зато если судить по программам телевидения, население всей страны стало рокерами. Или брокерами. Все, кажется, и заняты только биржами да дискотечными шоу. И все это происходит под какое-то чудовищное ликование со стороны интеллигенции.

— Мне кажется, вы очень верно обозначили источник нынешних бед общества — интеллигенцию. Я, честно говоря, до сих пор не могу понять, насколько искренна она в своих притязаниях. И насколько интеллигентна.

— Я думаю, что интеллигенция занимает у нас нишу среднего класса, то есть тех, кого обычно называют обывателями. Вы помните, еще Цветаева говорила: не смейте называть меня интеллигентом, я — аристократ. Так вот, на мой взгляд, из-за отсутствия аристократии в нашей стране и решила занять ее место интеллигенция. Которая сама вышла из детей лавочников, служащих, средней инженерии, которые сами, в свою очередь, были детьми совслужащих. Отсюда-то и появилось нечто, которое называется интеллигенцией. Есть, безусловно, в нашей стране те, которых интеллиген-

тами можно называть не в оскорбительном этом смысле, а в возвышающем — это Аверинцев, Лихачев... Но их-то — единицы. Большинство же к этому понятию не принадлежит. Поэтому устраивают такие дикие шабаши, как Конгресс интеллигенции, вызывающие смех у всех здравомыслящих людей и в своей стране, и в мире. Сидят люди, которые приглашены в этот зал начальством, которые избраны как бы...

— Точнее назначены быть...
— Да, назначены быть... цветом нации. Мне поэтому хотелось бы спросить каждого из них: тебе, как цвету нации, посмотри, не жмет нигде?

— Может быть, благодаря такому поведению и стал безнадежно падать престиж актеров, режиссеров, журналистов? Конкурсы в творческие вузы стремительно падают.

— Ну, на артистов они остаются, к слову сказать, огромными, но все это уже излет шлейфа. Я замечаю это, когда ловлю такси. Проезжают люди, останавливаются, узнают: здравствуйте, говорят, господин Филатов! Вот туда-то, прошу, не подвезете? Рады бы, отвечают, да времени нет. Так я пропускаю до десяти машин. Причем не я один. Я разговариваю с коллегами по цеху, они говорят: да что ты, не сажают совсем. Даже после спектакля, с которого выходят люди.

— Это оскорбляет?
— В этом заложен, как мне кажется, целый ряд вещей. Мы меняемся. Много хорошего умирает, но что-то ведь и приобрета-

лика Парамонова», сразу обрушили на него град вопросов о финансировании отдельных сцен. Леонид Алексеевич всех успокаивал, с чем-то обещал разобратся, что-то решить. И некуда деться от нелепости нынешней ситуации, при которой даже творческий человек, художник или писатель, артист или музыкант, должен быть прежде всего коммерсантом. Его успех, способность доставлять радость людям зависят от умения преодолевать финансовые преграды. И вспомнилось, как года три назад сам Филатов, не требуя никаких больших гонораров, развезжал по трудовым коллективам Союза, выступая со своим «Федотом-стрельцом».

ется? Скажите, прилично ли быть нищим? Неприлично. Артист, который достаточно снимался в кино, обязан иметь машину, хоть какую-то. Обязан. А если у него ее нет, значит, он неуважаем. И об этом нам нужно самим как бы побеспокоиться.

— Но беспокоиться ведь здесь сложно: надо запрашивать за свое участие в постановках значительно большие гонорары, а будут ли брать на них именно тебя?

— Это безумно трудно на самом деле. Чтобы купить машину, надо работать и день, и ночь. И зарабатывай ты денег хоть по мешку в сутки, вечером из-за инфляции они будут превращаться уже в одну десятую того, что заработал. Таким образом, опять сложности. Нам с женой только вот в самое последнее время удалось приобрести колеса. Но делать это было нужно. Потому что уже скоро в России настанут времена, когда про бедного человека уже никто не скажет: бедный, но гордый — все это будет выглядеть уже по-другому. Жалко будет выглядеть.

— То есть вернемся к Достоевскому, к его «Униженным и оскорбленным».

— Все перестраивается стремительно, просто треща меняется вся система наших былых приоритетов. Совсем, кажется, недавно был один приоритет: гордое противостояние, например, художника с властью: это случай с Владимиром нашим. А сейчас... Какие приоритеты сейчас в обществе — их же и не поймешь!

он предлагает голосовать, и делает так, как надо вслед за тобой.

Л. Ф. Знаешь, Алин, а я вполне отдаю себе отчет в том, что не могу и не имею права гарантировать людям того, что обещает им эта власть.

А. Б. Это неправда. Почему ты не можешь гарантировать, ведь власть эта в первый раз настоящая, интеллигентская. И если ты ее не поддержишь, то те самые люди создадут тебе такую жизнь, в которой ты жить не сможешь.

Л. Ф. Почему?
А. Б. Потому, что именно эти люди через свое правительство рабоче-крестьянское создавали тебе уже такую жизнь все семьдесят лет. Этот так называемый народ. А ты ведь в их жизни задыхался.

Л. Ф. Ну, похвастать тем, что меня убивал кто-то, я не могу. Были неприятности, но не до такой степени. Однако сегодня люди не могут выйти с собакой, ребенком погулять на улице. Вот ты пугаешь, что придут большевики и посадят тебя в лагерь. А человеку любому наплевать, лагерьная собака его загрызет или в подьезде ударит молотком.

А. Б. Все это нормальное посткоммунистическое общество.

Л. Ф. Ну, похвастать тем, что меня убивал кто-то, я не могу. Были неприятности, но не до такой степени. Однако сегодня люди не могут выйти с собакой, ребенком погулять на улице. Вот ты пугаешь, что придут большевики и посадят тебя в лагерь. А человеку любому наплевать, лагерьная собака его загрызет или в подьезде ударит молотком.

А. Б. Все это нормальное посткоммунистическое общество.

Л. Ф. Ну, похвастать тем, что меня убивал кто-то, я не могу. Были неприятности, но не до такой степени. Однако сегодня люди не могут выйти с собакой, ребенком погулять на улице. Вот ты пугаешь, что придут большевики и посадят тебя в лагерь. А человеку любому наплевать, лагерьная собака его загрызет или в подьезде ударит молотком.

А. Б. Все это нормальное посткоммунистическое общество.

Л. Ф. Ну, похвастать тем, что меня убивал кто-то, я не могу. Были неприятности, но не до такой степени. Однако сегодня люди не могут выйти с собакой, ребенком погулять на улице. Вот ты пугаешь, что придут большевики и посадят тебя в лагерь. А человеку любому наплевать, лагерьная собака его загрызет или в подьезде ударит молотком.

— ЧТО ВАС БОЛЬШЕ ВСЕГО ВЧЕРА ОГОРЧИЛО?

— Именно вчера!.. Вчера возле театра на Таганке моя бедная жена попала в перестрелку. Она была потрясена. Одно дело читать все это в сводках, совсем другое — пережить самому. Однако брызжать на время — дело неблагодарное.

Л. Ф. Все это лапша на уши. Никакой это не переходный период, это бесконечный путь воровать для тех людей, которые сегодня стали начальниками. Надо же понимать: то, что сейчас происходит, — никакая не демократия. Снова ведь те самые люди у власти, и никогда они ни к какой демократии не приведут. Поменялись только слова. Да и ложка стала еще более циничной.

А. Б. Ленечка, ведь люди поймут так, что ты хочешь, чтобы вернулись те семьдесят лет.

— Позвольте перебить, но есть же и другая сторона дела, — пришлось вмешаться в диалог уже мне. — Подойдите к любой бабшке-нищенке, которая в прежние времена никогда на такое унижение не пошла бы. Что скажет вам она?

А. Б. Ой, не надо примешивать сюда эту бабushку. Она намного богаче вас. А пример этот — обыкновенная спекуляция.

— Тогда другой пример, — продолжил я. — Недавно был я в деревне. Работают люди на ферме с раннего утра до вечера, а зарплату получают в... шесть тысяч рублей.

А. Б. Это все спекуляция, чистая спекуляция.

— Алин, — немного передохнув, продолжил беседу Филатов. — Ты хочешь слушать только себя и только свою теорию.

А. Б. У этой бабushки должен быть внук, поэтому...
Л. Ф. Поэтому пусть она умоется и помолчит, да?

А. Б. Да, пусть помолчит. Это ведь еще одна свобода — ей разрешили сидеть на улице с протянутой рукой. И она должна терпеть. Ради того, чтобы ее дети и внуки жили нормально. Терпеть не могу всех этих разговоров, что в Москве разруха. Неправда, что город гибнет. Я ви-

жу абсолютно другое. С Москвой происходит что-то потрясающее! Кругом красота, и люди привыкли к такой жизни. И поэтому не надо говорить, что мы чем-то недовольны, что все плохо, что все рушится, что старушки сидят с протянутой рукой.

Л. Ф. Этим вонючим коробкам, которые поставлены вдоль дорог, ты так умиляешься? Да в них же сплошная отравля! Говоришь, что появилось все, а что появилось? «Сникерс», «марс»?

А. Б. Нет, Леня, появилось все. В Новоарбатском я бываю, вахожу и вижу — есть все, как за границей. Люди стоят и смотрят.

Л. Ф. Так потому и смотрят, что купить не могут.

А. Б. Нет, народ покупает.

Л. Ф. Но эта твоя картинка существует лишь для энного количества людей.

А. Б. Нет, нет, не правда...
Л. Ф. Страна не производит ни черта. Она не может сама себя накормить.

А. Б. Это просто переходный период. Давай через пять лет с тобой поговорим.

Л. Ф. Давай. Если доживем. Диалог актера — личности творческой, ищущей, живущей по большей части эмоциями, а оттого чаще других ошибающейся, и женщины, лишь питающейся отзывками нестандартного мышления, закончился. Но до сих пор меня не покидает ощущение неестественности происшедшего: Леонид Филатов — вроде бы отражающий интересы определенной группы людей, но на самом деле имеющий лишь свою собственную точку зрения. И — Алина Будникова... Так интеллигенция ли виновата в сущем?..

Беседовал
Вадим ГОРШЕНИН.